

на французский манер: «. . . а я знаю щегольское употребление и хотя самую малую толику или без мала без того, однако по французски». ²⁰

В данном случае наличие двойной насмешки также не исключено. Похвальба рыночного маляра может быть в равной степени отнесена как на счет Третьяковского, учившегося в Сорбонне и утверждавшего своим переводом французского романа неведомые ранее русским людям нормы галантного любовного обхождения, так и на счет Теплова, также получившего европейское образование, знавшего превосходно французский язык. Следует напомнить о переводе Третьяковским сочинения Ф. Фенелона «Истинная политика знатных и благородных особ», неоднократно переиздававшегося в России на протяжении XVIII в. Наконец, и в выборе имени нового персонажа, о чем уже говорилось выше, заключенная в корне -лаш- (низкий, подлый) скрытая насмешка в равной степени могла распространяться как на Третьяковского, так и на личность Г. Н. Теплова, чье низкое происхождение было хорошо известно в дворянских кругах Петербурга. Практика Сумарокова, нередко обыгрывавшего фамилии своих недоброжелателей для высмеивания их в собственных сочинениях (особенно это касается притч), дает основание допустить и предположение насчет Теплова. Но вернемся к пьесе.

В ответ на приведенную выше реплику слуги Кимара взбешенный Архисотолаш раздражается не менее колоритной бранью, также сплошь пропитанной фразеологией низкопробного балаганного гаерства: «Молчи, скотина скот, животина живот, зернший, табашник, кабашник, пропоец, писмонос, мошнорез, черныя работы подрядчик! што тебе дела! Дай языку каши. Ох устал! Жаль што нет нигде близко седалища стульнова. Вот нещасье наслало на меня какова Поборника, то бишь, Рушителя. . .» ²¹ и т. д.

В последних двух фразах вновь заключались намеки на Третьяковского, поскольку в них Сумароков остроумно и язвительно парировал содержащиеся в статье его противника нападки на отдельные выражения, допущенные драматургом в трагедиях «Хорев» и «Гамлет». Так, в статье Третьяковский посвящает целый абзац неправильному, с его точки зрения, употреблению в «Хореве» слова «седалище». Он вновь упрекает Сумарокова в незнании «славенороссийского» языка, в котором с этим словом соединена «гнусная идея, а именно то, что в писании названо у нас афедроном. Следовательно, чего Кий просит, чтобы ему подано было, то пускай сам Кий, как Трагическая персона, введенная от автора, обоняет». ²²

Аналогичные претензии предъявляет критик и к имевшемуся в трагедии «Гамлет» употреблению слова «поборник» в монологе

²⁰ Там же.

²¹ Там же.

²² Сборник материалов для истории имп. Академии Наук в XVIII веке. СПб., 1865, ч. II. С. 483.